

ЮРИЙ ГРАНИН

Формирование российской нации

Об одном неосуществленном проекте

Вопрос о формировании нации был и остается ключевым вопросом внутренней политики любого полиэтнического государства. Правда, до недавнего времени о необходимости формирования «российской нации» вообще предпочитали помалкивать. Однако после декабрьских 2010 года волнений в Москве, Санкт-Петербурге, других городах России и последовавших за ними терактах о создании нации наконец-то вновь заговорили не только в блогосфере, но и в высших эшелонах власти. Так, 27 декабря 2010 года В. В. Путин высказался о необходимости формирования «общероссийского патриотизма» — аналога патриотизма советского, а Д. А. Медведев заявил, что «идея российской нации абсолютно продуктивна, и ее не нужно стесняться»¹. 11 февраля 2011 года президент развил эту мысль: *«Наша задача заключается в том, чтобы создать полноценную российскую нацию при сохранении идентичности всех народов, населяющих нашу*

страну. Только тогда мы будем крепкими (здесь и далее курсив мой. — Ю.Г.)»².

С этим, конечно, трудно не согласиться. Однако, читая стенограммы указанных выше совещаний у президента, я убедился: многие их участники (особенно руководители «национальных республик») либо не в восторге от этой идеи, либо плохо понимают, о чем, собственно, идет речь, продолжая рассуждать о «самобытности российской цивилизации» и «российской нации» как о состоявшемся историческом факте. Вот что говорил, например, руководитель рабочей группы по подготовке заседания Президиума Госсовета 11 февраля 2011 года, губернатор Ростовской области В. Ю. Голубев: *«Мы — все граждане России — являем собой российскую нацию, от гражданского единства которой во многом зависит будущее...* Обладая уникальным этнокультурным и религиозным многообразием, Россия на протяжении столетий сохраняла межэтнический и межрелигиозный мир, поддерживала

¹ «Стенографический отчет о совместном заседании Госсовета и Комиссии по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике. 27 декабря 2010 года, 15:00, Москва, Кремль». — www.kremlin.ru

² «Стенографический отчет о заседании Президиума Государственного совета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 года. 18:30, Уфа». — Там же.

баланс интересов различных этнокультурных сообществ»³.

Хочу разочаровать уважаемого губернатора: в истории России периоды «межэтнического мира» и «баланса различных этнокультурных сообществ» были весьма редки, а «российская нация» так и не была создана. Впрочем, отождествление

связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общностью территории проживания, исторической памяти, языка и общей культуры.

Важнейшая роль в складывании большинства наций принадлежит государству. Совместно с институтами гражданского общества посредством систем массовых коммуникаций и общенациональной системы образования оно целенаправленно формирует у людей воображаемый ими образ «Отечества-Нации» («России», «Франции» и т. д.) и «гражданское сознание», которые доминируют над более древними расовыми и этническими идентичностями. Но как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое (нацию),

В действительности

«нация» — это появившаяся лишь в XVIII—XIX столетиях исторически новая общность людей, связанных между собой в сообщество не только общим гражданством, но и общностью территории проживания, исторической памяти, языка и общей культуры.

«нации» с «этнокультурным сообществом» характерно не только для массового сознания, но и для научной политологической литературы. Там принято противопоставлять два типа наций: «гражданско-политические» и «этнокультурные». Но это противопоставление, как будет показано далее, ошибочно: в истории не было устойчивых национальных сообществ людей, связанных *только* узами общего гражданства. В действительности «нация» — это появившаяся лишь в XVIII—XIX столетиях исторически новая общность людей,

не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе?

Приступая к обсуждению этих проблем, необходимо сначала ответить на следующие «простые» вопросы: чем отличаются «нации» от «этносов» и как, какими способами формировались нации и национальные государства в Европе? Очевидно, что ответ на второй вопрос в значительной мере зависит от того, как мы ответим на первый. И вот здесь мы попадаем в концептуальный капкан: теоретически отличить нации от этносов почти невозможно.

³ Официальный портал Администрации Ростовской области. — www.donland.ru/Default.aspx?pageid=96651

Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют сделать это с необходимой уверенностью. Лишь наличие собственного государства или стремление его обрести («национализм») есть то, что эмпирически (в общественном мнении) действительно отличает нации от этносов, — по всем остальным атрибутивным признакам они совпадают.

Получается, что «нация» — категория конвенциональная. Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведу Эрнесту Геллнеру заявить, что «нации — это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В значительной мере это действительно так. Нация — цель любого национализма, а национализм — средство формирования, развития и экспансии наций. После выхода книги К. Дойча «Рост наций» (1964), работы Э. Д. Смита «Теории национализма» (1971), монографии Э. Геллнера «Нации и национализм» (1983), книги Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» (2001) и сборника статей под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера «Изобретение традиции» (1983) это положение стало максимумом для большинства специалистов. В дальнейшем *принцип осознанного политического и социокультурного конструирования основных европейских наций*, основательно подкрепленный анализом историографии «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Дж. Бройи, М. Манна, Ч. Тили,

М. Шадсона, Э. Хобсбаума, М. Хроха и некоторых других исследователей. Если обобщить и суммировать их выводы, мы получим следующую картину процесса образования наций и национальных государств в Европе XVIII—XIX веков.

Вне зависимости от того, понимаем ли мы «нации» как преимущественно антропосоциокультурные или политические (гражданские) общности, их формирование было связано со становлением и развитием гражданского общества и европейского капитализма XVIII—XIX столетий. Мотором последнего была ускоренная модернизация всех сфер жизни европейских стран, а следствием — развитие рыночных отношений, науки, техники и возникновение европейского рационализма. Однако ведущим фактором в интеграции этнически, конфессионально, культурно и лингвистически разнородных групп людей в некое относительно гомогенное целое (нацию) оказывалось новое, современное, государство, «бюрократическая машина» которого успешно «перемалывала» многочисленные этносы, столетиями жившие на территории европейских стран.

Смещение вектора культурной самоидентификации из этнической плоскости в плоскость национальную было связано с изменениями в области языка, характера информационных связей и образования. Так, распространение в Европе «печатных языков» в форме светских книг и газет заложило основу «национального сознания». Прежде всего были созданы *унифицированные поля обмена и коммуникаций* — менее обширные, чем на латыни, но шире, чем на разговорных диалектах. Ведь средневековый человек даже не мог вообразить себе такую

надэтническую общность, как «нация». Его воззрения на окружающий мир и восприятие этого мира были принципиально ограничены тотальным локализмом образа жизни такого человека и устным разговорным языком, словарный запас которого формировался в пределах этнически ограниченного круга общения.

Но массовое распространение в XV—XVI веках технологий печатания книг и газет радикально изменило осознание и восприятие мира, сделав психологически представимым и приемлемым такой феномен, как «нация». Употреблявшие разные формы французских, английских и испанских диалектов и не понимавшие друг друга в разговоре люди теперь стали понимать — благодаря печати и бумаге. Эти читатели, связанные общим печатным языком, образовали в своей светской, партикулярной жизни зародыш «национально воображаемого общества» — «нации», попутно изменив представление европейцев о времени. «Роман и газета, — пишет Б. Андерсон, — были теми формами, которые обеспечивали технические средства для представления воображаемых общностей типа нации. Действия персонажей романа происходят в одном времени, фиксируемом часами и календарем, но при этом персонажи могут совершенно ничего не знать друг о друге. В этом новизна такого воображаемого мира, создаваемого автором в умах читателей. Представление о социологическом организме, календарно движущемся в гомогенном, пустом времени, — это точный аналог идеи нации»⁴.

⁴ Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 44.

Действительно, отмеченная Андерсеном коалиция протестантизма и «печатного капитализма», использовавшего дешевые массовые издания, быстро создала широкую читающую публику, включавшую также купцов и женщин, обычно не знавших латыни, и одновременно мобилизовала ее для политико-религиозных целей. Помимо этого она принципиально изменила языковую ситуацию. В Европе и других частях света в допечатный период многообразие разговорных языков было огромно. Но разнообразные диалекты поддавались (в определенных пределах) слиянию в механически воспроизводимые «печатные языки», пригодные для распространения посредством рынка.

Если печатные и административные языки стандартизировали основной способ массовой коммуникации, то *развитие общенациональных систем образования в XVIII—XX веках стандартизировало культуру как ведущий способ национальной интеграции*. Распространяясь по схеме «центр — периферия», общая для всех «высокая культура», созданная литераторами, художниками и учеными доминирующего этноса, шаг за шагом охватывала всю территорию стран Западной Европы, постепенно превращая их полиэтническое мультикультурное население (гасконцев, бретонцев, валлийцев, пьемонтцев и т. д.) в некое культурно гомогенное целое — людей, принадлежащих к одной «нации». Этот процесс продолжался не одно столетие, требуя постоянных усилий и контроля государства, часто использовавшего репрессии.

Образованные в результате многочисленных войн государства Западной Европы являли собой новый

тип государства⁵, одна из важнейших задач которого состояла в легитимном принуждении к национальному единству: тюрьма, топор и гильотина использовались в XVIII столетии как важные средства национальной интеграции. Но по-настоящему государство взяло на себя роль «воспитателя нации» лишь в XIX веке, когда массовое и светское начальное образование стало нормой в большинстве западноевропейских стран. Впечатляющим примером этого является «офранцузивание» инокультурных провинций во Франции. Еще в 1789 году половина населения Франции вовсе не говорила по-французски. В 1863 году примерно пятая часть французов не владела тем языком, который официально признавался французским, а для многих школьников изучение французского было равносильно изучению второго языка. Отчет о положении в Бретани в 1880 году содержал рекомендацию об «офранцузивании» полуострова путем создания сети школ. Они должны были по-настоящему объединить полуостров с остальной Францией и завершить исторический процесс аннексии, который всегда был готов прекратиться.

⁵ В исследованиях, посвященных «нации» и «национализму», как правило, не существует четкого указания на характеристики государства современного типа. Тем не менее, если суммировать весь массив представлений о государстве эпохи модерна, можно констатировать, что современное государство представляет собой, *во-первых*, набор институционализированных форм монопольного контроля над территорией с демаркированными границами, *во-вторых*, свод санкционированных законом правил, а *в-третьих*, непосредственный контроль над средствами внутреннего и внешнего насилия. Если к перечню указанных характеристик добавить «народный суверенитет», «приоритет права» и «демократическую форму правления», это будет как раз то понимание современного государства, которого в дальнейшем придерживается автор статьи.

С разной степенью интенсивности аналогичные процессы аккультурации, важными факторами интенсификации которых были сначала печатные СМИ, а затем радио и телевидение, происходили в бисмаркской Германии, царской России, а позже и в Советском Союзе. Но ни в дореволюционной России, ни в СССР процесс образования нации не был завершен — главным образом из-за имперских амбиций и непоследовательности государственных действий.

В отличие от либерально-демократических Англии и Франции, которые «владели империями» и пытались привить свою культуру этническим элитам колоний, *Россия сама была империей. И первоначально даже не ставила цели формирования одной нации как политической общности, основанной на «суверенитете народа».* Разумеется, в России существовало то, что Э. Геллнер, Ю. Хабермас и др. обозначили как «протонациональные связи», основой которых были православие и общее историческое прошлое древнейших родов империи. Но здесь, вплоть до известного Указа Екатерины II о дворянских вольностях, не было «так называемого свободного дворянства, живущего на определенной территории и готового участвовать в политической жизни»⁶. Ю. Хабермас обозначил данное явление как *Adelsnation* — «нация знати», описав следующий механизм ее возникновения: «правящие сословия, которые встречались друг с другом в “парламентах” или в других “представительных собраниях”, представля-

⁶ Э. Геллнер. Нации и национализм. М., 1991. С. 151.

ли страну или "нацию" *перед лицом двора*⁷.

Аналогом европейских представительных собраний в России XVI—XVII столетий служили Земские соборы и Боярская Дума, которые затем были упразднены Петром I, подчинившим церковь государству и взявшим курс на «европеизацию» не общества, а российского дворянства, и формирование космополитичной имперской правящей элиты из иноверных иноземцев. Тем самым, несмотря на появление газет, журналов и университетов, разрыв между русской «народной культурой» (не говоря уже о десятках других) и «высокой культурой» правящего слоя к концу XVIII столетия был не сокращен, а увеличен. Да и сама представленная в столичных салонах так называемая «высокая культура» знати была лингвистически гетерогенной, являя собой причудливое смешение языков: «французского с нижегородским».

Так что вплоть до начала XIX столетия многих предпосылок для формирования «нации знати» и «нации народа» в империи не существовало. Необходимо было появление «истории государства российского» и «русского литературного языка», ставших основой представлений о «русском народе». Так, благодаря усилиям крупнейших русских историков (Татищева, Карамзина и др.), славянофилов и великих русских поэтов, прежде всего А. С. Пушкина, в первой трети XIX века в России *возникает русский «лингвистический национализм»*, способствующий «на-

турализации» династии Романовых, которая, собственно, и привела к появлению российского «имперского национализма».

Осознание Романовыми себя великороссами, явившееся ответом на лингвистические национализмы народов, населявших империю, привело к политике русификации. Такие попытки удержания династической власти «над огромными многоязычными владениями, накопившимися еще со времен Средневековья», Б. Андерсон очень метко охарактеризовал как «натягивание маленькой, тесной кожи нации на гигантское тело империи»⁸.

Однако российский государственный (имперский) национализм принципиально отличался от современного ему европейского национализма, который, по мнению Ю. Хабермаса, пытался связать национальную «более абстрактную форму общественной интеграции» с демократическими «структурами принятия политических решений»⁹. Взамен в николаевской России была провозглашена доктрина «официальной народности», признававшая деспотию и рабство атрибутами православной России. «Да, — заявлял Николай I, — деспотизм еще существует в России, ибо он составляет сущность моего правления, но он согласен с гением нации». Ему вторил министр образования граф Уваров, считавший лозунг «Православие, Самодержавие, Народность» «политической религией России»: «У политической религии, как и у веры в Бога, есть свои догматы. Для нас один из них — крепостное право. Оно установлено твердо и нерушимо.

⁷ Ю. Хабермас. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства. — Он же. Нации и национализм. М., «Праксис», 2002. С. 366.

⁸ Б. Андерсон. Воображаемые сообщества. С. 108.

⁹ Ю. Хабермас. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 267.

Отменить его невозможно, да и ни к чему»¹⁰.

Мало того. Стремясь сохранить полиэтническую империю, власть не только не создала продуманного «национального проекта», но и упустила тот момент, когда в 1840—1860 годах на ее западных границах под определяющим влиянием польской интеллигенции стали реализовываться украинский, белорусский, литовский и другие периферийные «нацпроекты», заложившие основы будущих «наций». По мнению А. И. Миллера, именно из «соперничества русского национального проекта и польского национального проекта постепенно появляются украинский и, насколько он сформировался, белорусский проекты, а также литовский»¹¹. Но это спорное утверждение в той его части, где речь идет о русском национальном проекте. Дело в том, повторю, что так называемый имперский национальный проект, так и не был до конца продуман, конкретизирован в системе последовательных бюрократических действий по интеграции населения и возведен в ранг государственной национальной политики.

Как и в других странах, идеологию русского государственного национализма разрабатывали интеллектуалы, существенные расхождения между которыми по вопросу «что делать?» отнюдь не способствовали делу национального строительства. Прежде всего в той его части, которая связана с культурной гомогенизацией населения, которая должна проходить под «русскими», а отнюдь не «русскими» лозунгами. Между тем именно

идеология *русского* этнонационализма, круто замешенного на обосновании превосходства «русского племени», стала (особенно накануне Первой мировой войны) доминировать на страницах большинства, в том числе и либеральных, российских газет и журналов. Вместо идеи формирования «русской нации» как согражданства возникает миф «русской нации», в числе активных делателей и пропагандистов которого, помимо откровенных черносотенцев, были выдающиеся умы российской интеллигенции: Андрей Белый, Валерий Брюсов, Н. Бердяев, В. В. Розанов, А. С. Изгоев, Н. В. Устрялов, М. О. Меньшиков и много других менее известных писателей и мыслителей, обосновывавшие, каждый по-своему, идею «православной империи русской нации». И это ежечасно и повсеместно рождало культурный и политический этнонационализм.

Надо заметить, что политика официального национализма, даже если она осуществляется либерально-демократическим государством, всегда порождает «свое иное» — этнический национализм. Этнический и государственный «национализмы» в полиэтнических государствах — это две стороны одной националистической «медали», они обуславливают друг друга, постоянно провоцируя межэтническую напряженность и конфликты. Смягчить их можно только за счет предоставления равных политических прав и культурной ассимиляции сначала этнических элит, а затем и всего народа, плавно приобщив их (через СМИ и систему образования) к «высокой культуре» государствообразующего (в нашем случае — великорусского) этноса.

Но именно этого в царской России сделано не было. Формально при-

¹⁰ М. Лемке. Николаевские жандармы и литература, 1826—1855. СПб., 1918. С. 42.

¹¹ А. И. Миллер. Национализм и империя. М., 2005. С. 24.

знав равные политические права за всеми «инородцами» (выдав им паспорта), частично инкорпорировав знатные роды Польши, Малороссии, Прибалтики (остзейские немцы), Кавказа и Туркестана в «правлящий класс» империи, *самодержавие так и не выработало программы культурно-лингвистического национализма* и для русского, и для других народов России. Фактически империя строилась и расширялась помимо населяющих ее народов, которые, будучи неграмотными, разумеется, не могли даже вообразить такую социокультурную общность, как «нация».

Разделяя своих «подданных» на «великороссов» и «инородцев», не отделив православие от государства, империя так и *не создала светской системы обязательного начального образования на русском языке на всем пространстве империи*, в котором даже почти поголовно неграмотное население русскоязычных территорий продолжало делить себя на «пскопских», «калужских» и «тутошних». В этих условиях о формировании российской нации как социокультурной общности и согражданства и речи быть не могло. К началу Первой мировой войны царская Россия не была интегрирована ни экономически, ни культурно, ни конфессионально. В итоге Российская империя, так и не ставшая «национальным государством», распалась.

Пытаясь восстановить себя в прежних границах, Советская Россия из конъюнктурных соображений провозгласила «право наций на самоопределение, вплоть до отделения», и Конституция РСФСР, принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918

года, объявила страну федерацией национальных республик. Но образование на территории бывшей империи ряда независимых государств, сепаратистские устремления внутри самой РСФСР вновь актуализировали проблему самоопределения народов, вызвав к жизни в 1921—1923 годах дискуссию о принципах создания СССР, завершившуюся выработкой политики «коренизации» и «территориализации» народов союзных и автономных республик. То, что эта политика в конечном счете окажется взрывоопасной для нового государства, руководство ВКП(б) и Сталин в тот период явно не понимали, наивно полагая, что классовая и советская солидарность возьмут верх над «национальными» идентичностями. В действительности политика «коренизации» (украинизации, белорусизации и т. д.), круто замешенная на критике «великорусского шовинизма», вызвала подъем массового национального самосознания даже в тех регионах, где его до революции почти не было.

Так, например, перед Первой мировой войной и революцией малороссы были народом, который еще не выработал национального (украинского) сознания и чья государственность выглядела далекой целью. Но после «советской украинизации» (1921—1935) национальное самосознание едва ли не у половины населения Советской Украины, особенно ее партийно-хозяйственного аппарата и интеллигенции, приобрело отчетливые формы, способствуя росту сепаратистских настроений в среде республиканской этнократии. Аналогичные процессы развития «коренных языков», «национальных школ» и высших учебных заведений, учреждений науки и культуры активно шли в других республиках и авто-

номиях, объективно способствовали укреплению этнической самоидентификации многих народов Союза, что явно противоречило курсу политической консолидации народов на базе ленинско-сталинской идеологии.

Принципиально важно: в республиках «коренизация» шла под лозунгами борьбы с «русским колониаторством», сопровождаясь «зачисткой» партийного и хозяйственного аппарата «от великорусской швали» (Ленин), почти повсеместной дискриминацией русскоязычного населения, его грабежами и вытеснением с давно обжитых территорий¹². Ситуация усугублялась территориальным формотворчеством. С легкостью манипулируя судьбами миллионов людей, Центр инициировал создание новых административных образований за счет территорий, население которых тяготело к разным социокультурным моделям жизни. Так, в 1921 году в процессе оформления Горской республики к ней присоединили 17 казачьих станиц и хуторов, в которых проживало более 65 тысяч русских. Итог был предсказуем: насильственно присоединенные казачьи территории и их население подвергались постоянным нападениям, заканчивавшимся переделами казачьих земель в пользу горских народов.

В 1924—1925 годах было проведено национально-государственное размежевание в Средней Азии. Единое, по мнению академика В. В. Бартольда, цивилизационное пространство¹³, регион с этнической чересполосицей рассекли путем административной реформы, подгоняя под «типовую мо-

дель» национальной государственности. Аналогичная волонтаристская политика осуществлялась и в отношении Каракалпакстана (в Казахстане) — где в 1929 году вспыхнуло мощное восстание, Киргизии, а также малочисленных народов Севера, традиционно занимавшихся охотой, рыболовством, оленеводством. Их насильно переводили с кочевого на оседлый образ жизни, «через колено» ломали традиционный экономический и духовный уклад. Итогом был ряд восстаний в Якутии, других северных территориях. Так выковывалось «братство народов», о котором любила говорить советская пропаганда.

К сожалению, я не имею здесь возможности подробно разбирать все перипетии и просчеты национальной политики СССР. Отмечу лишь, что начиная с 1930-х годов разрабатываемая под идеологическим прикрытием «интернационализма» реальная *политика государства была переориентирована на формирование ново, политически интегрированной «исторической общности»*. В русле стратегии ее формирования происходило стирание территориальных границ компактного проживания этносов (изменение границ территориальных и национально-территориальных образований), различий в социальной стратификации населения (коллективизация, индустриализация), увеличение миграционных потоков (в том числе за счет насильственного переселения) и, конечно, формирование общего относительно гомогенного культурного, образовательного и информационно-коммуникативного пространства Советского Союза. Формально это открывало возможность решения «национального вопроса»: формирования новой политической общности — «советский народ».

¹² См. «Национальная политика России: история и современность». М., 1997. С. 300.

¹³ См. **М. М. Олимов**. В. В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии. — «Восток». 1991. № 5.

Важная, а быть может, и ведущая роль в этом процессе отводилась архитектуре, литературе, театру, кино, печати, радиовещанию, а позже — телевидению. Начиная с 1918 года по всей стране возводились (иногда на прежних постаментов) памятники и монументы новым вождям, героям революции и людям труда, были созданы шедевры киноискусства «Броненосец “Потемкин”», «Чапаев», «Петр Первый», «Александр Невский», «Нахимов»...

Вместе с великой прозой А. Н. Толстого, М. Шолохова, К. Федина, поэзией В. Маяковского и А. Твардовского они создавали новое «символическое поле», в котором теперь оказывалось и новое «государство рабочих и крестьян»: его начинают воспринимать как «отечество», во имя которого можно не только убивать, но и добровольно умирать. Границы этого символического поля неуклонно расширялись: государство искало и создавало свои исторические корни, постепенно включая в пантеон исторической памяти выдающихся царей, полководцев и борцов «за народное дело», великих ученых, художников, прозаиков и поэтов, которые, с точки зрения власти, составляли гордость нового Отечества, слава и мощь которого многократно увеличились после войны с гитлеровской Германией, неслучайно названной Великой Отечественной войной.

Надо заметить, что войны вообще, и тем более войны победоносные, играли важную роль в формировании и эволюции всех наций. Защищая нацию, государство формирует у своих граждан *национальное* самосознание — в результате происходит ослабление групповых идентичностей, в том числе этнических. Для обретения идентичности необходима дифференциация по принципу

«мы — они», невозможная без формирования национальных стереотипов и идеи превосходства. Превосходство нуждается в подтверждении, а стереотипы способствуют демонизации «других» в качестве врагов. Поэтому, например, С. Хантингтон даже постулирует невозможность продолжительного мира между нациями и проблематизирует саму возможность поддерживать национальную идентичность в мирное время¹⁴. С подобным приговором об эрозии патриотизма во время отсутствия войн трудно согласиться. Но верно то, что монументы и могилы неизвестного солдата являются его культурным источником, укрепляют национальное единство, создают новую ответственность уже ушедших, кто превратился в памятники-символы: с их помощью страна, даже совершая ошибки, на самом деле всегда остается права. Разумеется, эта новая ответственность и общая «историческая память» должны быть подкреплены и закреплены идеологически, информационно и культурно-лингвистически через государственную систему образования.

Что касается идеологии и формируемого в соответствии с ней нового символического поля, то с их распространением через СМИ, литературу, монументальное и иное искусство, кино и радио на русскоязычных территориях все обстояло более или менее благополучно. Но эффективность пропаганды нового Отечества резко снижалась на Кавказе, Западной Украине, в республиках Прибалтики и Средней Азии, значительная часть населения которых плохо говорила и писала на

¹⁴ См. С. Хантингтон. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 58, 62.

чужом для них — русском — языке. Зато пропаганда этнонационалистического подполья, которое было полностью разгромлено лишь после войны, была довольно успешной. Это обстоятельство сталинский режим осознал лишь в 1938 году, и действующим в республиках и автономиях национальным школам была вменена задача обязательного обучения школьников русскому языку. При этом в целях ее упрощения была предпринята унификация графики — силовой перевод алфавитов родных языков, использовавших латинскую графику, на кириллицу.

Все это, казалось бы, должно было существенно изменить старую парадигму национальной школы, расширить ее культурно-стандартизирующий потенциал, частично изменить приоритеты. Но этого не случилось. Ситуация кардинально меняется лишь к началу 1960-х, когда в кулуарах ЦК КПСС была наконец сформулирована идея формирования аналога нации — «советского народа». Именно тогда в школах союзных республик с преподаванием на родном языке утвердилась *модель двухкомпонентного содержания образования*. Она апробировалась с середины 1960-х годов и обеспечивалась в полном объеме учебниками, подготовленными и изданными республиканскими издательствами. *Такая модель при безусловном идеологическом единстве содержания позволяла реализовывать принцип унификации содержания школьного образования в Советском Союзе через внедрение единых учебников, изданных для русскоязычных школ РСФСР и выстроенных на русской и мировой культурах.*

Поэтому, несмотря на жесткую критику и отказ от этой модели в 1990-е годы, *она объективно может рассматриваться как инструмент*

реализации в рамках социалистической модернизации на базе идеологии интернационализма *политической программы формирования из разнородного полиэтнического социума единой гражданской нации — «советского народа»*. Из этого, как известно, ничего не вышло. Не только в силу просчетов политического руководства страны, но и очевидной ошибочности «генеральной линии партии» на реализацию концепции «некапиталистического развития» и форсированного прыжка «из феодализма в социализм».

Последствия такого провала оказались неоднозначны и были в значительной мере непредвиденными. Попытки модернизации социально-экономической жизни в Средней Азии и на Кавказе шли параллельно с консервацией традиционного уклада, клановых, племенных, семейно-родовых отношений. Невзирая на усиливающуюся борьбу с религией как идеологическим конкурентом, новая власть так и не смогла искоренить мусульманские обряды и обычаи из повседневного быта. Мало того. Ангажированные Советской властью или примкнувшие к ней этнические элиты органично вросли в номенклатурную систему реализации властных отношений, адаптировав ее к иерархии по «кланам» и «родам».

Это было тем легче, что и традиционное общество Кавказа и Средней (Центральной) Азии характеризовалось сочетанием авторитаризма с патернализмом, своеобразной социальной справедливостью и коллективизмом. Этот фактор учитывался большевиками при формировании структур управления, но *не был ими понят как трансформирующий содержание социалистического строя*. В итоге, споткнувшись о сопротивление многочисленных республикан-

ских этнобюрократических элит и руководства РСФСР, Советский Союз распался.

Стремительный распад СССР обладал такой силой инерции, что сначала РСФСР, а затем и РФ оказались на грани развала из-за мощного всплеска этнонационализма и «регионализма» в бывших республиканских автономиях, краях и областях. В условиях острейшего социально-экономического кризиса первой половины 1990-х годов Б. Ельцин фактически занимался покупкой лояльности региональных политических элит федеральному Центру («Берите суверенитета столько, сколько сможете»), которые тут же превратили эту самую лояльность в ликвидный политический товар: получение льгот и преференций в обмен на демонстрацию поддержки.

Юридически формула «преференции в обмен на лояльность» была закреплена в Федеративном договоре 1992 года, росчерком пера превратившем РФ из централизованной в «договорную» асимметричную федерацию, где Центр и субъекты поменялись ролями. Теперь уже бывшие автономии стали стремиться (и небезуспешно) ограничить компетенцию центральной власти. Особенно ярко эта тенденция воплотилась в законах «О языках народов РСФСР», «О языках народов РФ» (1991, 1998), «Об образовании в Российской Федерации» (1992, 1996, 2002) и соответствующих подзаконных актах, которые *фактически дезинтегрировали единое образовательное и культурно-лингвистическое пространство страны*, то есть подорвали тот самый принцип, который в этих законах был продекларирован. Интеллигенты из числа так называемых титульных

этносов приняли в этом самое живое участие.

Показательна и динамика роста построения собственной системы национального (этнического) образования, свидетельствующая о настойчивости и последовательности республик. В общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляют более 40 процентов, Республики Башкортостан — 45, Республики Татарстан — 60, а Республики Тыва — 80 процентов. Мало того. Вслед за провозглашением политического суверенитета почти всеми «национальными» республиками в составе Российской Федерации были приняты законы о языках, которые (вместе с декларациями о суверенитете) в 1990-е годы стали юридической основой для проведения дискриминационной этнической политики на территории национально-государственных субъектов РФ и *спровоцировали процессы, ведущие к разрушению единого коммуникативного пространства России*.

В этих (по сей день не отмененных!) законах «государственными» на территории субъекта Федерации провозглашаются, как правило, два языка: язык «коренной нации» и русский язык. А иногда «огосударствуются» три языка — как, например, в Кабардино-Балкарии. Это означает, что документооборот в этих республиках ведется не на одном, а на нескольких «административных языках». В большинстве случаев республиканские законы о языке включают статьи, легитимирующие льготы и преференции по этноязыковому принципу для представителей так называемых титульных этносов. Фактически было осуществлено новое издание «коренизации», повлекшее за собой кадровые чистки в госструктурах, шко-

лах и вузах Татарстана, Башкирии, Якутии, других бывших автономиях. Ситуация в республиках Северного Кавказа — просто катастрофическая: там русскоязычного населения почти не осталось, зато этнонационализм с примесью феодализма расцвел пышным цветом.

Благодаря усилиям этнонационалистов оформились и укрепились тенденции регионализации и партикуляризации высшего образования, повлекшие за собой серьезные изменения в образовательных программах и курсах гуманитарных наук (история, политология, социология, философия) многих республик России. Эти изменения касаются прежде всего так называемого регионального компонента образования, под видом которого зачастую проводится псевдонаучное обоснование верховенства того или иного «титульного» («коренного») этноса. Этнонационализм, источником и распространителем которого была и остается прежде всего местная интеллигенция, препятствует строительству в России национального государства. Как быть?

Прежде всего, как мне представляется, надо взглянуть правде в глаза и перестать использовать двойные стандарты. Мы можем сколь угодно возмущаться национальной политикой правительств Украины, Литвы, Латвии, Эстонии, Грузии, других государств, ущемляющих права так называемого русскоязычного населения. Но при этом должны понимать, что иначе (без «переписывания истории», создания национальных мифов, аккультурации иноязычного населения, создания единого коммуникационного пространства и т. п.) «нацию» построить нельзя. Должны помнить, что в той же Франции, например, силою заставившей

миллионы своих граждан в XIX веке говорить на французском языке, преподавание на этнических диалектах было выборочно разрешено только в 1961 году. А у нас?

А у нас в Татарстане национальные общественные организации собирают подписи под требованием сделать татарский язык вторым государственным, а Министерство образования и науки РФ не только кладет под сукно Концепцию государственной этнонациональной образовательной политики, но и пытается исключить обязательное преподавание русского языка и литературы в старших классах. О том, что в проекте закона «Об образовании в РФ» воспитательный компонент школы вообще отсутствует, уже и не говорю. Почему, например, в США главной задачей школы признается «воспитание патриота и гражданина Америки», а у нас нет?

И это бездумное реформирование средней и высшей школы осуществляется в условиях, когда в национальных республиках РФ выросло целое поколение ученых и педагогов, сделавших карьеру на обосновании тезиса об исторической, политической, этнической исключительности «своего» народа и противопоставлении местной истории, местных традиций и обычаев российскому государству, русскому и другим народам. Не случайно в 2008 году в школах Татарии лишь 25 процентов опрошенных на вопрос «В какой стране вы живете?» ответили: «В России». Остальные считают, что живут в Татарстане¹⁵, где в декабре 2008-го «Милли-меджлис татарского народа» принял новую «Декларацию о неза-

¹⁵ См. «Деформация гражданского сознания в Татарстане подрывает безопасность России: интервью Михаила Щеглова». — ИА REGNUM (www.regnum.ru/news/1155436.html).

висимости Татарстана» и объявил об альтернативном Кабинету министров РТ национальном «правительстве в изгнании», главой которого стал известный татарский националист-эмигрант Виль Мирзаянов.

Так что этнический национализм у нас не только не ослабел, но и обрел новые — культурные, образовательные и коммуникативные — формы. Ему должна противостоять *политика «официального национализма»* Российской Федерации, которая помимо полного изъятия из конституций республик в составе РФ положений о политическом суверенитете, выравнивания уровня и качества жизни народов *должна включить культурно-лингвистические меры по формированию «российской нации», восстановить дезинтегрированное коммуникативное и образовательное пространство России.*

Прежде всего, *необходимо создать общероссийские программы граж-*

данского образования и воспитания для взрослых, детей и молодежи. Во-вторых, ввести эти программы в систему федеральных государственных стандартов образования. И наконец, осуществив этнически независимую экспертизу, привести в соответствие с федеральными образовательными стандартами учебные пособия и программы образования национальных республик России, где на протяжении последних лет явно доминируют националистические тенденции и сюжеты.

Одновременно следует увеличить процент передач и программ на русском языке на республиканских теле- и радиовещании, насытив их информацией и сюжетами из истории сотрудничества народов России, русской и мировой культуры. То же самое следует сделать и федеральным телеканалам, радиокомпаниям и печатным СМИ. Эти меры являются вынужденными, но абсолютно необходимыми. ◆